УДК 94(37)

ПОКЛОНЕНИЕ ЖИВОТНЫМ: ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЭКЗОТИКА В ВОСПРИЯТИИ РИМЛЯН

© 2012 г.

М.С. Чисталев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

marcus7@mail.ru

Поступила в редакцию 05.11.2012

Рассматривается восприятие римлянами египетских зооморфных культов, и исследуются причины тенденциозного отношения римского общества к египетской религии. Отмечается, что представление о египетской религии среди римских авторов объединяет ряд особенностей: полное неприятие традиционных зооморфных египетских верований, с одной стороны, и восхищение экзотическим характером египетской культуры и религии – с другой. Автор приходит к выводу, что в римском восприятии египетские культы животных могли существовать только в качестве примера чего-то презренного и нелепого, подходящего только для сатирического рассказа или в качестве аргумента в различных диспутах.

Ключевые слова: Древний Рим, египетская религия, восточные культы в Риме, поклонение животным, восприятие иноземной культуры.

В последние десятилетия в связи с процессами интеграции и глобализации в мире проблемы взаимоотношения между народами и культурами, дихотомия «свой» – «чужой» как в культурном, так и ментальном плане становятся все более актуальными. Не случайно поэтому в историографии новый всплеск интереса к теме взаимоотношений между Египтом и Римом приходится на конец 1990-х – начало 2000-х годов. Новые подходы позволили по-новому оценить характер влияния Египта на Рим и вызвали своеобразное «возрождение» интереса к культу Исиды, а проводившиеся начиная с 1999 г. международные конференции [1–3] поставили под сомнение целый ряд устоявшихся концепций и интерпретаций, однако фактически обошли стороной тему египетских зооморфных культов. Кроме того, по-прежнему отсутствуют комплексные исследования, объединяющие изучение влияния эллинизированных культов египетских богов и традиционных египетских верований на формирование образа Египта в римском мире. Между тем значимость восприятия религиозных топосов, связанных с зооморфными культами, сложно переоценить. Достаточно привести простой пример из современной жизни. Если попросить европейца обозначить хотя бы одну особенность Индии, то он с большой долей вероятности отметит отношение к коровам как к священным животным. Египетская религия, в особенности та ее часть, которая относилась к поклонению животным, была, наверное, столь же малопонятной и странной особенностью египетской культуры, с которой приходилось сталкиваться римлянам.

Именно вышеперечисленными обстоятельствами обусловлено наше обращение к теме египетской религиозной экзотики в восприятии римлян. Наша цель состоит в том, чтобы на основе нарративных источников исследовать римское восприятие египетских зооморфных культов, а также рассмотреть причины тенденциозности в отношении к египетской религии в Риме.

Уже начиная с VIII в. до н. э. в Египте наблюдается тенденция снижения влияния древних божеств (Пта, Ра, Атума, Амона) и усиления местных народных культов [4, S. 816], представлявших собой, как правило, поклонение животным в различных формах. Причина такой трансформации, вероятно, кроется в попытках египтян найти в популярных у простых людей верованиях новый «национальный» символ Египта. Антропоморфные божества довольно быстро стали частью процесса эллинистического религиозного синтеза, в то время как поклонение животным было популярным только у египтян. Римское и греческое отношение к животным сильно отличалось от традиционного египетского, поэтому, сохраняя зооморфных богов, египтяне могли показать свою идентичность как единого народа: они «цеплялись» за собственную культуру, демонстрируя всем иностранцам свою самобытность.

Первым римским автором, выразившим свое отношение к традиционным египетским верованиям, был Цицерон. Его восприятие египетской религии – недвусмысленно отрицательное, при этом он ставит своей задачей внушить такое же отношение и своему читателю [5, p. 1956]. Вся суть его отношения к египетским культам отражена в одном из изречений трактата «О государстве». Свою мысль Цицерон начинает с положительного посыла, указывая, что Египет – одно из древнейших государств, но затем мы видим резкий контраст в его отношении к необычному для римлян поклонению животным: «… египтяне, самый старозаветный из всех народов и располагающий летописями событий за очень много веков, считают божеством какого-то быка, которого они зовут Аписом. Такой человек увидел бы у тех же египтян и многие другие чудовища и разных зверей, причисленных ими к богам» (Cic. Rep. III. 9. 14. Пер. В.О. Горенштейна).

Продолжая негативную линию своего повествования, автор далее поражается тому, что многие варварские народы (*fere cuncta barbaria*), среди которых, по его мнению, были и египтяне, считали человеческие жертвоприношения делом благочестия, весьма угодным богам (Cic. Rep. III. 9. 15).

В «Тускуланских беседах» он пишет, что египтяне «так пропитаны предрассудками, что египтянин скорее отдастся палачу, чем обидит ибиса, аспида, кошку, пса или крокодила; даже если он их задел нечаянно, он готов принять любую кару» (Cic. Tusc. V. 27. 78. Пер. М.Л. Гаспарова). Обращает на себя внимание то, какие эпитеты и понятия использует Цицерон, характеризуя египетские религиозные взгляды: он представляет их не просто ошибочными, а извращенными (*pravitas*). Этот термин Цицерон использует только тогда, когда хочет подчеркнуть эмоциональную силу своей убежденности в категорической неправоте религиозных взглядов [6, p. 357]. Другой пример резкого оценочного суждения о египетской религии мы находим в философском трактате «О природе богов»: «К заблуждениям поэтов следует присоединить еще вымыслы магов, безумства египтян в этом же роде» (Cic. De nat. deo. I. 16. 43. Пер. М.И. Рижского). Таким образом, согласно Цицерону, египетская религия – это своеобразная форма слабоумия (*dementia*).

Цицерон прямо осуждает египетское поклонение животным, а жрецов Исиды он и вовсе считает шарлатанами (Cic. Div. I. 58). При этом он может ставить в пример почтительное отношение египтян к своим божествам с зооморфной иконографией, обличая, таким образом, собственно римское неуважительное отношение к храмам и изображениям богов (Cic. De nat. deo. I. 29. 81). При этом очевидно, что Цицерон, рассчитывая на то, что его читатели, так же как и он сам, считают поклонение животным самой низкой формой религиозных верований, тем самым хотел акцентировать внимание на моральном разложение римской религиозной системы.

В своем неприязненном отношение к египетским культам Цицерон опирается на две особенности египетской религии: во-первых, на то, что боги частично или полностью принимают форму животных, во-вторых, на то, что и обычных животных египтяне считают священными. Оба постулата полностью противоречат традиционным римским религиозным взглядам, согласно которым боги превосходят людей, а люди превосходят животных. Такое резко негативное отношение к почитанию животных позднее нашло свое отражение и в христианстве, где оно считалось признаком поклонения дьяволу.

Без сомнения, негативная реакция Цицерона по отношению к египетским культам связана с тем, что они оказывали определенное, с точки зрения Цицерона, негативное влияние на римлян и имели многочисленных последователей. Если бы не этот факт, то Цицерон не уделил бы столь большое внимание египетской религии, а его характеристика, возможно, свелась бы к описанию взглядов египтян как нелепых и забавных. Однако он был восприимчив к настроениям в Риме и отразил свое отношение к культам, противоречащим традиционным римским взглядам.

Нельзя недооценивать роль Египта в последние годы существования Римской республики и с политической точки зрения: убийство Помпея было одной из причин ненависти к Египту со стороны некоторых римских авторов (Lucan. VIII. 542–544; Propert. Eleg. III. 11. 35); кроме того, укреплению единоличной власти Октавиана способствовало в первую очередь противостояние Антонию и Клеопатре. Образ Клеопатры в пропаганде последнего становится символом обманчивых искушений и угрозы Востока (в лице Египта) Риму. Римские авторы, восхваляющие победы Октавиана, не скупятся и на отрицательные эпитеты в адрес египетских богов. Как подметил К. Смэлик, Вергилий, желая представить Антония как предателя, присоединившегося к силам Востока против Рима, привносит элементы египетской религии в описание сражения между Октавианом и Антони-

ем, преобразуя тем самым само сражение в противостояние Востока и Запада [5, p. 1853]. Вергилий выбирает зооморфных богов, вероятно, потому, что именно к ним римляне испытывали наибольшее отвращение [7, p. 198], как например, к шакалоголовому богу Анубису: «Чудища-боги идут и псоглавый Анубис с оружьем»[1] (Verg. Aen. VIII. 698). Таким образом, поэт переносит акцент с политических трений между Египтом и Римом в религиозную область [8, p. 3].

Аналогичные по своему смысловому содержанию высказывания можно найти и у Проперция, который противопоставляет египетских богов римским (Propert. Eleg. III.11.41).

Но далеко не все римские авторы характеризовали египетскую религию исключительно в негативном ключе. Так, Альбий Тибулл, будучи приближенным республиканца Валерия Мессаллы Корвина, не поддерживал критические постулаты своих современников. В своем произведении, посвященном Корвину, он восхищается Нилом и с уважением отзывается о египетском боге Осирисе: «Отче Нил, благодаря тебе Египет никогда не сеет в жертву ливням и иссохшая былинка не склоняется в ожидании милостей Юпитера-Дождетворца... Вечную славу поют, тебя и Осириса славят»[2] (Tib. I. 7. 23–27). Тибулл характеризует Осириса как бога празднеств с песнями, танцами и беззаботной любовью [9, p. 94]. В действительности это представление очень сильно отличается от египетского образа Осириса как бога мертвых, но, по всей видимости, римские поэты эпохи Августа практически ничего не знали об Осирисе, кроме того, что он был связан с возрождением или жизнью после смерти [10, S. 133–134]. Несмотря на противодействие Октавиана, египетские культы в Риме апеллировали прежде всего к богатому среднему классу, и популярность их была не в последнюю очередь вызвана экзотическими обрядами. Именно поэтому Тибулл упоминает Нил и «иностранцев, которые были воспитаны, чтобы оплакивать Мемфисского быка Аписа» (Tibul. Eleg. I. 7. 27–28), без насмешек над египетскими богами.

Тибулла можно назвать одним из самых аполитичных поэтов Рима [11, p. 146], возможно, именно поэтому он не пытался использовать описание египетских религиозных традиций в качестве иллюстрации нелепых и отталкивающих культов; наоборот, для него египетская религия представлялась неким удивительным феноменом из далекой и непонятной страны.

Произведения другого поэта эпохи, Овидия, на первый взгляд, также контрастируют с творчеством Вергилия, Горация и Проперция. Он не пытался искать недостатки в поклонении животным или высмеивать египетские традиции. Напротив, он обращается к богине Исиде с просьбой об исцелении его возлюбленной Коринны: «Матерь Исида, чей край — плодородные пашни Канопа… Систром твоим заклинаю тебя и Анубиса ликом… Жизнь госпоже возврати, мне же — она возвратит»[3] (Ovid. Am. II. 13. 6–16. Пер. С.В. Шервинского). Однако нельзя сказать, что Овидий испытывал особое почтение к египетским культам. Для него использование известных римлянам типично египетских имен и объектов, таких как Анубис, Каноп, Мемфис, Нил и Осирис, было скорее попыткой заимствования популярных образов для привлечения читательской аудитории.

В случае с поэмой Овидия «Ибис», которая являлась адаптацией поэмы Каллимаха с аналогичным названием, считавшейся изощренной инвективой в адрес Аполлония Родосского [12, с. 73], мы сталкиваемся с неявным отражением восприятия египетских культов. Сама поэма Каллимаха была утрачена, но свое название, как считает И. Бехер, она получила из-за того, что среди той части жителей Александрии, которые этнически не относились к египтянам, ибис считался грязной, нечистой птицей, жившей среди мусора [13, S. 380]. Поэма Овидия, несмотря на свое название, не содержит рассуждений или описаний, связанных с религией египтян, за исключением двух строк, в которых мы находим негативное упоминание ибиса (Ovid. Ibis. 449–450). Однако, учитывая, что произведение самого Овидия также носило инвективный характер, и руководствуясь утверждением Илсе Бехер, мы можем говорить о заимствовании римлянами греческого восприятия одного из символов египетской религии.

Представление о египетской религии среди римских авторов в правление преемников Октавиана (вплоть до «солдатских императоров») объединяет ряд особенностей: полное неприятие традиционных зооморфных египетских верований, с одной стороны, и восхищение экзотическим характером египетской культуры и религии – с другой.

Плиний Старший философски подходил к религии и считал попытки отыскать облик и форму Бога проявлением слабости, присущей человеку (NH. II. 5. 14). Он отклоняет антропоморфное представление о божествах, но и поклонение животным некоторых народов, которых автор не называет, вызывает у него отвращение (NH. II. 5. 16).

Сенека достаточно четко обозначает свое негативное отношение к Египту. В основе рассуждений Сенеки о восточных культах в Риме лежит культ Исиды. Сенека допускал, что философ может принимать участие в культовых церемониях, даже если он не верит в их смысл, но он с отвращением относился к религиозному мистицизму, чуждому римской традиции [14, p. 11]. В частности, он высмеивал обряды, посвященные культу Исиды, используя слова, взятые из ритуала, имеющего отношение к смерти Осириса (Sen. Apoc. 13. 4). Сенека считал недопустимым, что последователи культа Исиды должны были становиться на колени [15, S. 78]. В частично сохранившейся благодаря Августину Блаженному книге «О суеверии» Сенека не просто критикует восточные культы, а направляет критику против «политической теологии» (August. Civ. Dei. VI. 10) [16, p. 45]. Он довольно резко отзывается обо всех восточных религиозных практиках в Риме, представляя их одинаковым проявлением истерии и мошенничества (Sen. Vit. beat. 26. 8).

Развитие этой темы можно найти в шестой сатире у Ювенала, направленной против женщин, где он пишет о том, что дает женщинам культ Исиды и о том, как они в своем религиозном порыве готовы отправиться в паломничество даже в Мероэ в Нубию (Sat. VI. 520–529). Далее Ювенал описывает, как египетские жрецы в масках Анубиса обманывают женщин, уличенных в невоздержании и попрании брачного ложа, требуя с них за искупление соответствующих подношений (Sat. VI. 534–541). Примечательно и то, что Ювенал указывает, что храм Исиды был расположен рядом с овчарней: даже в мелочах, связанных с описанием местоположения, он пытается подчеркнуть свое отвращение к египетской религиозной практике в Риме.

XV сатира Ювенала, безусловно, представляет наиболее яркий пример отношения автора к египетской религии. Дж. Хайгет видит причину недовольства Ювенала в том, что он мог быть выслан из Рима на окраину империи, а именно в Египет при императоре Домициане, где и проникся ненавистью к египтянам, нашедшей свое отражение в XV сатире [17, p. 28]. Однако эта гипотеза выглядит сомнительной ввиду ненадежности источника, на основании которого Дж. Хайгет делает такой вывод.

Уже с первых строк Ювенал указывает на слабоумие (*demens*) египтян, поклоняющихся чудовищам (*portenta*) (XV. 1–2). Он с насмешкой указывает на обожествление египтянами крокодила, поедающего змей, ибиса и сияющего золотом почитаемого образа павиана (*effigies sacri nitet aurea cercopitheci*) (XV. 3–4). Продолжая свое возмущение египетскими религиозными традициями и акцентируя внимание читателя на том, что египтяне не едят даже лук и порей из-за нежелания осквернить их, Ювенал задается вопросом: «Что за святые народы, в садах у которых родятся этакие божества!»[4] (XV. 10–11). Учитывая однозначность суждений Ювенала, совершенно нелогичным выглядит утверждение Э. Грюэна о том, что XV сатира скорее носит легкомысленный характер, нежели содержит в себе жесткую позицию автора по отношению к египетской религии [18, p. 109–111]. При этом Грюэн признает, что обвинение египтян в каннибализме, продиктованном не голодом, а злобой, вызвано явно выраженным «злым умыслом» со стороны Ювенала, а не желанием высмеять египтян [18, p. 110].

Главный вопрос, который перед нами возникает: насколько серьезно можно воспринимать эти оскорбительные высказывания Ювенала в качестве примера глубоко укоренившегося чувства отвращения римлян по отношению к египетской религии? Ответ становится очевидным, если мы обратим внимание на то, что в своей XV сатире Ювенал не ставил себе первоочередной целью опорочить Египет – скорее, он пытался выразить свое разочарование и негодование общим упадком нравов, а для этой цели прекрасно подходил Египет со своими диковинными религиозными традициями, перемешанными с будоражащими воображение читателя слухами, дополненными подробностями, которые находит сам Ювенал. Доказательства этому можно найти уже в самом начале сатиры, когда автор противопоставляет столь неприятное ему поклонение павиану славному прошлому Египта с величием стовратных Фив, ныне лежащих в руинах (XV. 4–5). И в самом конце сатиры Ювенал задается вопросом: что подумал бы Пифагор, или куда бы он убежал (*quo non fugeret*), увидев «ужас», описанный им в сатире (XV. 173–175)? В данном случае столь показательное двоякое суждение Ювенала является примером свойственного римским авторам двойственного отношения к Египту древнему и современному: от восхищения достижениями и великим прошлым до неприятия традиций и верований современников [15, S. 110]. При этом достаточно грубая характеристика Ювенала скорее является исключением, чем общепринятым восприятием египетской религии в римском обществе: враждебность по отношению к египетским традициям массово не проникала в сознание римлян, о чем свидетельствует популяр-

ность культа Исиды как в Риме, так и в империи в целом [19, p. 198].

Тацит также отличался негативными суждениями в отношении Египта. Для него это была страна религиозного фанатизма и невоздержанности. Бога Сераписа он характеризовал как «почитаемого этим суеверным народом больше всех прочих богов»[5] (Tac. Hist. IV. 81. 3. Пер. Г.С. Кнабе). Описывая положение дел в Империи в период правления Октавиана Августа, он обозначает Египет как «провинцию, склонную из-за царивших здесь суеверий и распущенности к волнениям и мятежам, незнакомую с законами и государственным управлением»[6] (Tac. Hist. I. 11. Пер. Г.С. Кнабе).

Рассмотрение собственно римского отношения к египетской религии следует дополнить анализом взглядов тех греческих авторов эпохи империи, которые принадлежали к интеллектуальной элите своего времени, создававшей общую для греков и римлян культуру. К числу этих авторов в первую очередь принадлежит Плутарх, выразивший свое отношение к египетской религии прежде всего в своем сочинении «Об Исиде и Осирисе».

В своей благосклонной оценке египетской религии этот писатель превзошел, пожалуй, всех своих предшественников, включая Геродота, которого он сам называл «варварофилом» (φιλοβάρβαρος) (Plut. Herod. mal. 12). Проявляя явный интерес к религиозным обрядам и традициям египтян, Плутарх обратился к египетскому мифу об Осирисе и Исиде, который Б.А. Тураев назвал «главным мифом египетской религии, занимающим центральное место во всей культуре египтян» [20, с. 174]. Изложение самого мифа занимает в произведении Плутарха сравнительно немного места, но Плутарх предпринял попытку осмыслить египетский миф в соответствии с представлениями своего времени [21, с. 75]. Сравнивая написанное Плутархом в его сочинении «Об Исиде и Осирисе» с египетскими текстами, можно прийти к однозначному выводу, что он был хорошо информирован о египетской религиозной традиции [22, p. 431]. Плутарх посещал Александрию, но он не знал египетского языка и, возможно, заимствовал сведения из работ других греческих авторов [23, p. 77].

Версия Плутарха в основном совпадает с мифологическими и религиозными представлениями египтян об Исиде и Осирисе, отраженными в подлинных египетских текстах, но египетские тексты намного богаче, в них представлено большее разнообразие мифологических эпизодов, оставшихся неизвестными Плутарху или опущенных в его повествовании [24, p. 48; 25, p. 41].

Произведение Плутарха показывает не только его большой интерес к Египту, но и готовность использовать египетскую теологию для формирования собственных религиозных концепций [22, p. 472]. В своих религиозных рассуждениях он предполагает, что боги в разных частях света, несмотря на различие в их именах, были по сути одними и теми же (Plut. De Is. et Osir. 67). Разумеется, и египетских богов Плутарх характеризовал как принадлежащих не только египтянам: «Исиду же и связанных с ней богов знают и признают все люди, и если некоторых они научились называть египетскими именами недавно, то власть каждого знают и чтят с самого начала» (Plut. De Is. et Osir. 66. Пер. Н.Н. Трухиной).

Тот факт, что такой автор, как Плутарх, который «справедливо считается последним универсальным ученым эллинизма» [26, с. 11], посвятил специальный труд египетской религии, свидетельствует о значительном интересе к ней в античном мире [21, с. 4]. Однако, в отличие от главных персонажей мифа об Исиде и Осирисе, которым Плутарх уделил внимание, он практически обходит стороной другие исконно египетские верования. Плутарх четко дает понять, что он не может принять и одобрить поклонение животным в его египетском варианте, но приводит сведения о традициях египтян с целью подчеркнуть свое неодобрение по отношению к этому «подлинному суеверию» (De Is. et Osir. 71). При этом он описывает быка Аписа как «образ души Осириса» (εἴδωλον... τῆς ἐκείνου ψυχῆς) (De Is. et Osir. 20) и «воплощение образа души Осириса» (εἰκόνα... Ὸσίριδος ἔμψυχον) (De Is. et Osir. 20), что указывает на определенный уровень познаний Плутарха и в вопросе египетских взглядов на поклонение животным [27, S. 14]. В противоположность буквальному восприятию поклонения животным, которое и приводит к суеверию, что в глазах Плутарха является не меньшим злом, чем безбожие, он предлагает символическое истолкование египетской религии (De Is. et Osir. 11). С этой позиции он неоднократно объясняет различные формы египетских зооморфных богов. Примечательно также то, что Плутарх цитирует других греческих авторов, таких как Гомер, Гесиод, Эврипид, Платон, которые практически не интересовались египетскими религиозными представлениями, но при этом служат автору в качестве доказательной базы его рассуждений [5, p. 1963]. Еще одно объяснение египетскому поклонению животным Плутарх дает с рациона-

листической точки зрения: он объясняет почитание отдельных животных (ихневмона, быка, овцы) их полезностью (De Is. et Osir. 74), иногда комбинируя рационалистическое и символическое толкование.

Однако в «Застольных беседах» Плутарх уже менее позитивен в своей оценке поклонения животным. В этом сочинении среди прочих обсуждается и вопрос о том, воздерживаются ли евреи от свинины по причине почитания свиней или из-за отвращения к ним? Софист Каллистрат, один из участников беседы, отстаивает точку зрения, связанную с почитанием свиней, при этом он подчеркивает, что хотя свинья животное безобразное и грязное, но не хуже навозного жука, землеройки, крокодила и кошки, которые в Египте имеют поклоняющихся им жрецов (Plut. Quaes. Conv. IV. 5. 71). Далее Плутарх снова вкладывает в уста Каллистрата символическо-аллегорическое объяснение того, почему египтяне поклоняются именно этим животным.

Рационалистические и особенно аллегорические толкования делали египетские религиозные традиции более приемлемыми не только для Плутарха, но и для его аудитории, и не являлись чем-то экстраординарным для I–II вв. н. э. [28, p. 84]. Они использовались только тогда, когда буквальное толкование сталкивалось с жестким неприятием основ этих традиций. А это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что египетские религиозные взгляды (в первую очередь те, что касались поклонения зооморфным богам) при буквальном восприятии были одинаково отталкивающими не только для Плутарха, но и для его современников, которые, очевидно, еще менее доброжелательно относились к Египту. Более того, такой способ интерпретации приводил к потере уникальности, присущей египетским верованиям, и смещению акцентов в восприятии религиозных взглядов египтян.

Два автора II в. н. э. Лукиан и его современник Апулей олицетворяет контрастирующие между собой представления о египетской религии. Для Лукиана египетская религия – объект острот и насмешек. Назначенный под конец жизни на должность прокуратора в Египте, Лукиан имел возможность близко ознакомиться с египетской религиозной практикой, хотя его антиегипетские предубеждения появились значительно раньше этого события.

Лукиан называет египтян самым суеверным и богобоязненным народом в мире (Luc. Pro imag. 27). Он сравнивает египетские храмы с женщинами, наделенными прекрасной внешностью, но в остальном оскорбляющими свою красоту (Luc. Imag. 11). Лукиан, по сути, признает величественный характер атрибутов египетской религии, но самих зооморфных божеств считает недостойными такого поклонения. Заимствование и развитие этой идеи можно найти и у Климента Александрийского, который, однако, высказывается более жестко о египетских богах (Clem. Paed. III. 2).

Египетское поклонение животным как тема для насмешек приобретает у Лукиана особую значимость. Каждый раз, когда Лукиан описывал Египет, он обязательно упоминал египетские зооморфные культы и высмеивал их. Наиболее эмоциональные высказывания, без сомнения, можно найти в его «Собрании богов», где устами Мома он с возмущением задается вопросом: «почему пятнистому быку из Мемфиса воздаются почести, почему вещает он, окруженный пророками»?[7] (Luc. Deor. Conc. 10). В целом Лукиан демонстрирует две противоположные тенденции в отношении к поклонению животным в римском мире: с одной стороны, культы животных преподносятся как нелепое и презренное явление, а с другой стороны, эта возмутительная на первый взгляд традиция является символом скрытой мудрости [29, p. 57], о наличии которой у египетского жречества Лукиан пишет в другом своем произведении «Любитель лжи, или невер» (Φιλοψευδής ἢ Ἀπιστῶν) (Luc. Philops. 34).

Необходимо отметить, что в отношении Лукиана к египетской религии примечательно не то, что он высмеивал поклонение животным и всячески показывал презрительное отношение к нему, что мы не раз наблюдали и у более ранних авторов, а то, что он также высмеивал и символические интерпретации египетских религиозных культов, а также чрезмерное восхищение древностью самого Египта. Это отличает Лукиана от многих его предшественников и современников и позволяет сделать вывод, что символическая интерпретация египетских религиозных традиций ко II в. н. э. была значительно распространена, и не случайно она позднее часто упоминалась отцами церкви с одной единственной целью, чтобы ее опровергнуть (Origen. C. Cels. I. 20, III. 19; 21; Clem. Strom. V. 7. 43).

Апулей, в отличие от Лукиана, не пытался унизить египетские религиозные традиции, напротив, его отношение к египетским культам почтительное и уважительное. Повествуя в «Метаморфозах» о невероятных похождениях знатного римского юноши Луция, Апулей подробно описывает обряд посвящения в таинства

культа Исиды (Met. XI. 21–25). Когда изнуренный и доведенный до отчаяния Луций просит богов о помощи, то единственной, кто может ему помочь, оказывается богиня Исида (Apul. Met. XI. 1). Дж. Хэнсон характеризует историю, рассказанную Апулеем, как «фактическую разновидность религиозной пропаганды с целью отблагодарить Исиду и подвигнуть читателя к аналогичному религиозному преображению» [30, p. XII]. С этим мнением не согласен К. Шлам [31, p. 13]. Однако вне зависимости от концептуального подхода к этому вопросу именно у Апулея мы впервые сталкиваемся со столь подробным и безаппеляционно позитивным описанием образа египетской богини и обрядов ее культа, и по этой причины многие историки используют произведение Апулея в качестве исторического источника, касающегося поклонения Исиде в Римской империи во II в. н. э. [32–34] Такое почтительное отношение к богине Исиде среди римских литераторов является исключением: общение Луция с Исидой проходит только в уважительном тоне, а жрец ее культа представлен мудрым, степенным, строго соблюдающим религиозные обряды наставником (Apul. Met. XI. 16. 1; 19. 1; 22. 6; 25. 7). Необходимо учитывать, что, несмотря на вымышленный характер основного сюжета произведения Апулея, общий контекст, связанный с культом Исиды, по всей видимости, был понятен его читателям, в противном случае для них был бы неясен смысл целого ряда эпизодов [35, p. 11]. Таким образом, мы можем предположить, что Апулей полагался на осведомленность читательской аудитории о культе Исиды и именно поэтому описывал религиозные таинства на основании собственных наблюдений, а возможно, и личного участия в обрядах. Иначе говоря, популярность культа египетской богини и ее мистерий была столь велика, что Апулей мог рассчитывать на позитивное восприятие этой сюжетной линии среди своих читателей.

Даже если не относить сюжет Апулея к пропаганде культа Исиды, нельзя не признать, что его произведение положительно сказывалось на отношении римлян к египетской религии: намеренно или нет, но оно могло популяризировать мистерии египетской богини и позитивным образом отразиться на поддержании образа Египта как колыбели мудрости и знаний.

Причудливая и не всегда понятная религия Египта, начиная с Геродота, привлекала внимание многих античных авторов. Тематическое разнообразие их интереса ясно видно из пассажа Гелиодора в его романе «Эфиопика» III в. н. э. Устами старца автор очень емко описывает интерес иностранцев к египетской религии: «…один спрашивал, как мы, египтяне, почитаем туземных богов, другой осведомлялся, по какой причине в разных местах обожествляются разные животные и какое о каждом из них сказание… Словом, ничего, что касается Египта, в своих расспросах не пропустили они: ведь египетский рассказ и любая повесть чарует эллинский слух» (Heliod. Aeth. II. 27. 3. Пер. А.И. Доватура).

При этом интерес к египетской религии далеко не всегда приводил к ее правильному понимаю, что негативным образом сказывалось и на образе самого Египта. Римляне в силу своих собственных представлений, не могли принять египетские зооморфные культы, а потому в основном относились к ним как к глупым и заслуживающим презрения. Хотя следует отметить, что Плутарх, будучи греком, предпринимал попытки интерпретировать культы животных с позиции символического значения, чтобы их восприятие не входило в противоречие с античными воззрениями на такую религиозную практику. Важно подчеркнуть, что Плутарх не пытался высмеивать египетскую религию, как это мы наблюдаем у Ювенала, напротив, он подходил к ней с почтением и даже уважением. Однако у римских авторов такой тенденции не обнаруживается.

На основании проведенного анализа мы можем констатировать, что в отличие от культа богини Исиды, существенно трансформированного под влиянием эллинистической теологии, египетское поклонение животным не было затронуто эллинизацией. Для римлян бог Собек был всего лишь крокодилом, странным и внушающим ужас существом, место которому было в зоопарке или в цирке, но никак не в храме. И если римлянин и посещал египетские святыни, посвященные животным, то делал это не с целью паломничества к святому месту, а ради осмотра достопримечательностей.

Таким образом, можно выделить две концептуальные основы римского восприятия египетских зооморфных культов. Во-первых, для самих египтян сохранение традиционных культов священных животных было способом продемонстрировать свое неприятие культуры правителей–завоевателей. Эта приверженность поклонению животным носила ярко выраженный провокационный характер. Так, римлянин, случайно убивший кошку, должен был поплатиться за это жизнью (Diod. I. 83. 6–9), хотя очевидно, что такое наказание было очень неблагоразумно с политической точки зрения. Во-вторых, египетские культы животных подвергались посто-

янным нападкам и резкому осуждению со стороны римских авторов, что непременно привлекало внимание читательской аудитории, учитывая сравнительно одинаковое отношение к зооморфным культам в античном мире.

Римское отношение к египетской религии едва ли можно назвать позитивным, отчасти это связано с историческими противостоянием Октавиана, с одной стороны, и Антония и Клеопатры (символизировавшей Египет) – с другой стороны, а также с отношением римлян к Египту как к завоеванной территории. Образ Египта и египтян, который создавали римские авторы I в. до н. э. – I в. н. э., во многом отражал имперский подход к восприятию Востока: «варварство» египтян оправдывало расширение границ государства и контроль со стороны Рима над территорией Египта. Поэтому у римских авторов просто не было необходимости преподносить египетское поклонение животным в приемлемой для их читательской аудитории форме. По сути, единственным римским автором, испытывавшим интерес к египетской религии и не высказывавшим своего мнения о поклонении животным, был Апулей. Что касается остальных римских авторов (возможно, за исключением Плиния Старшего), то, в отличие от греков, в своем восприятии они даже не пытались отнести традиционные египетские культы к положительным особенностям Египта.

Что объединяет всех римских авторов, так это отсутствие глубокого и адекватного понимания египетской религии и, более того, нежелание разобраться в этом вопросе. Они выделяли отдельные особенности египетских религиозных верований, но совершенно игнорировали культурную среду, в которой зародились эти представления, часто применяя критерии оценки, чуждые египетской культуре. В римской литературе мы можем выделить две противоположные позиции по отношению к египетской религии. С одной стороны, она рассматривалась римлянами как удивительный феномен, отличающийся исключительно древними священными традициями и глубокой мудростью жречества, завораживающей роскошью храмов и культового церемониала. Благодаря египетским культам римляне могли ощутить притягательность удивительной страны, где всё казалось таинственным, начиная от Нила, дававшего на протяжении тысячелетий жизнь Египту, и заканчивая иероглифами, покрывавшими стены величественных зданий. С другой стороны, римляне были потрясены отношением египтян к животным, нелепостью их суеверий. Поклонение животным и растениям вызывало в большинстве случаев неприятие и отвращение, хотя именно эти аспекты египетской религии являлись ее отличительной особенностью. Римские сатирики регулярно высмеивали поклонение кошкам, крокодилам и др. животным. Через негативное отношение к поклонению животным формировалось и представление римлян о самих египтянах: о том, что они не лучше, чем те животные, которым сами поклоняются [36, p. 101].

Такое неприятие традиционных египетских культов свидетельствует о том, что культура Египта оставалась непостижимой для римлян. Те элементы египетской культуры, которые римляне перенимали в процессе взаимодействия двух цивилизаций, были лишь частью эллинизированного наследия великой державы. Истинная египетская культура предназначалась только для самих египтян: поклоняясь животным, отправляя традиционные культы, египтяне «цеплялись» за собственное историческое наследие, даже если демонстрация этого наследия носила вызывающий характер для всего античного мира.

Примечания

1. omni genumque deum monstra et latrator Anubis.
2. Nile pater, quanam possim te dicere causa aut quibus in terris occuluisse caput? Te propter nullos tellus tua postulat imbres, arida nec pluvio supplicat herba Iovi… Te canit atque suum pubes miratur Osirim…
3. Isi, Paraetonium genialiaque arva Canopi... Per tua sistra precor, per Anubidis ora verendi... Nam vitam dominae tu dabis, illa mihi.
4. o sanctas gentes quibus haec nascuntur in hortis numina.
5. monitu Serapidis dei quem dedita superstitionibus gens ante alios colit.
6. provinciam aditu difficilem, annonae fecundam, superstitione ac lascivia discordem et mobilem, insciam legum, ignaram magistratuum, domi retinere.
7. τί δὲ βουλόμενος καὶ ὁ ποικίλος οὗτος ταῦρος ὁ Μεμφίτης προσκυνεῖται καὶ χρᾷ καὶ προφήτας ἔχει.

Список литературы

1. De Memphis à Rome: Actes du Ier Colloque International Sur les Études Isiaques / Ed. L. Bricault. Leiden: Brill, 2000. 216 p.
2. Aegyptus et Pannonia, I Acta Symposii anno 2000 / Ed. H. Győry, Zs. Mráv. Budapest: Archaeolingua, 2002. 247 p.
3. L'Égypte à Rome. Actes du colloque international (Caen 28–30 septembre 2002) / Ed. F. Lecocq. Caen: Presses Universitaires de Caen, 2005. 368 p.
4. Bonnet H. Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. B.: Walter De Gruyter Inc, 2000. 884 S.
5. Hemelrijk E.A., Smelik K.A.D. Who knows not what monsters demented Egypt worships? Opinions on

Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 17.4. Berlin–New York, 1984. P. 1852–2000.

6. Isaac B. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton: Princeton University Press, 2006. 592 p.

7. Berthelot K. The Use of Greek and Roman Stereotypes of the Egyptians by Hellenistic Jewish Apologists, with Special Reference to Josephus' Against Apion // Internationales Josephus-Kolloquium Aarhus 1999 / Hrsg. J.U. Kalms. Münster, 2000. P. 185–221.

8. Parker G. India, Egypt and Parthia in Augustan verse: the post-orientalist turn // Dictynna. 2011. Vol. 8. P. 1–14.

9. Bowditch P.L. Tibullus and Egypt: A postcolonial reading of Elegy 1.7 // Arethusa. 2011. Vol. 44(1). P. 89–122.

10. Merkelbach R. Isis Regina – Zeus Sarapis: die griechisch-ägyptische Religion nach den Quellen dargestellt. Leipzig: Teubner, 1995. 722 S.

11. Putnam M.C.J. Tibullus: a commentary. Norman: University of Oklahoma Press, 1979. 222 p.

12. Чистякова Н.А. Эллинистическая поэзия: литература, традиции и фольклор. Л.: Изд-тво ЛГУ, 1988. 176 с.

13. Becher I. Der heilige Ibisvogel der Ägypter in der Antike // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 15. Budapest, 1967. S. 377–385.

14. Turcan R. The Cults of the Roman Empire. Oxford: Wiley-Blackwell, 1997. 417 p.

15. Sonnabend H. Fremdenbild und politik. Vorstellungen der Römer von Ägypten und dem Partherreich in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. B.: P. Lang, 1986. 324 S.

16. Turcan R. Sénèque et les religions orientales. Bruxelles: Latomus, 1967. 70 p.

17. Highet G. Juvenal the satirist. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1961. 373 p.

18. Gruen E.S. Rethinking the Other in Antiquity. Princeton: Princeton University Press, 2010. 416 p.

19. Takács S.A. Isis and Sarapis in the Roman world. Leiden: Brill, 1997. 235 p.

20. Тураев Б.А. История Древнего Востока / Под ред. В.В. Струве, И.Л. Снегирёва. Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. 1. 340 с.

21. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб.: Журнал «Нева»; Летний Сад, 2000. 464 с.

22. Hani J. La religion égyptienne dans la pensée de Plutarque. P.: Les Belles Lettres, 1976. 492 p.

23. Griffiths J.G. Plutarch's De Iside et Osiride. Cambridge: University of Wales Press, 1970. 229 p.

24. Ezquerra J.A., Gordon R. Romanising Oriental Gods: Myth, Salvation, and Ethics in the Cults of Cybele, Isis, and Mithras. Leiden: Brill, 2008. 486 p.

25. Witt R.E. Isis in the Ancient World. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997. 336 p.

26. Лурье С.Я. Плутарх и его время // Плутарх. Избранные биографии. Л.: Соцэкгиз, 1941. С. 5–18.

27. Otto E. Beiträge zur Geschichte der Stierkulte in Aegypten. Hildesheim: G. Olms, 1964. 60 S.

28. Griffiths J.G. Allegory in Greece and Egypt // Journal of Egyptian Archaeology. 1967. Vol. 53. P. 79–102.

29. Malaise M. Les conditions de pénétration et de diffusion des cultes égyptiens en Italie. Leiden: Brill, 1972. 543 p.

30. Hanson J.A. Apuleius Metamorphoses: The Golden Ass. Harvard: Harvard University Press, 1996. Vol. I. 336 p.

31. Schlam C.C. The Metamorphoses of Apuleius: On Making an Ass of oneself. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. 192 p.

32. Rives J.B. The priesthood of Apuleius // The American Journal of Philology. 1994. Vol. 115. № 3. P. 273–290.

33. Griffiths J.G. The Isis-Book. Metamorphoses, Book XI. Leiden: Brill, 1975. P. 5–55.

34. Festugiere A.J. Personal Religion among the Greeks. Berkeley, 2003. P. 72–77.

35. McCabe E.A. An Examination of the Isis Cult with Preliminary Exploration into New Testament Studies. Lanham: University Press of America, 2007. 128 p.

36. Gilhus I.S. Animals, Gods and Humans: Changing Attitudes to Animals in Greek, Roman and Early Christian Thought. L.: Routledge, 2006. 336 p.

ANIMAL WORSHIP: ROMAN PERCEPTION OF EXOTIC ELEMENTS IN EGYPTIAN RELIGION

M.S. Chistalev

The paper considers the Roman perception of Egyptian zoomorphic cults and investigates tendentious attitude of the Roman society to the Egyptian religion. It is noted that the Roman authors' conception of the Egyptian religion includes several features, that is, on the one hand, total rejection of native Egyptian beliefs, on the other hand, admiration of exotic nature of the Egyptian culture and religion. The author comes to the conclusion that for the Romans, Egyptian animal cults could function as a set example of something despicable or ridiculous, useful only in satirical description or as an argument in debate.

Keywords: Ancient Rome, Egyptian religion, Oriental religions in the Roman world, animal worship, appreciation of alien culture.